

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.П. Лопухин

**Св. Иоанн Златоуст,
как проповедник человеколюбия
и милостины**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 1. С. 27-48.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.



СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ,

іакъ проповѣдникъ человѣколюбія и милостыни.

ВЕЛИЧАЙШИМЪ зломъ древняго міра было вопіющее неравенство въ распределеніи земныхъ благъ между различными классами населенія. Грозная соціальная проблема, отъ попытокъ къ разрѣшенію которой и теперь содрогаются основы государствъ, въ настоящее время не имѣеть и сотой доли той остроты, которой отличалась она въ древности, когда человѣчество не имѣло еще всепримиряющаго принципа христианской любви, а всецѣло жило своими эгоистическими интересами и когда каждый, не имѣя высшаго упованія, всѣ силы направлялъ къ тому, чтобы скоплять себѣ богатство на землѣ. Практическій материализмъ былъ главнымъ движущимъ рычагомъ древняго человѣчества, и если евреи, по исходѣ изъ Египта, слили себѣ золотого тельца, чтобы поклоняться ему, то въ этомъ отношеніи они, такъ сказать, лишь невольно и случайно проявили наклонность къ тому идолослуженію, которое совершали всѣ народы древняго языческаго міра, видѣвшіе въ золотомъ тельцѣ (въ его символическомъ значеніи) главный смыслъ своей земной жизни. Отсюда безпоощданная борьба между отдѣльными людьми, классами и цѣлыми народами, и достаточно взглянуть на исторію народовъ древняго міра, чтобы убѣдиться, что самыя войны ихъ имѣли своею главною цѣлію накопленіе богатствъ и при томъ на счетъ другихъ. Но если въ отношеніи народовъ эта жажда къ накопленію богатства еще прикрывалась благовидными предлогами — патріотизмомъ, геройствомъ, то во взаимоотношеніи отдѣльныхъ лицъ и классовъ она выступала во всей своей

прямотѣ и беззастѣнчивости — какъ грубое хищничество, не стѣснявшееся никакими соображеніями человѣчности. Въ этой ожесточенной борбѣ изъ-за земныхъ благъ одни конечно выходили побѣдителями, другіе падали, и побѣдоносная колесница безпощадно давила всѣхъ изнемогшихъ въ неравной борбѣ. Уже задолго до Рождества Христова въ Римѣ, где человѣческая правда, благодаря высокоразвитому юридическому смыслу народа, должна бы найти себѣ наивысшее осуществленіе, соціальная борьба привела къ вошющімъ крайностямъ богатства и бѣдности и отъ этого соціального неравенства не разъ потрясался политически могучій организмъ государства. Принимались всевозможныя — и законодательныя и политическія — мѣры къ устраненію этого страшного зла, но все оказывалось безполезнымъ и зло продолжало рости, пока наконецъ не подточило самыхъ основъ древняго міра, который и рушился главнымъ образомъ именно отъ того, что попранъ былъ божественный законъ любви и на мѣсто его поставленъ законъ безграницаго эгоизма.

Съ основаніемъ христіанства картина неизбѣжно должна была перемѣниться. Правда, христіанство не вмѣшивалось въ соціально-общественные отношенія, и Самъ Христосъ, на просьбу своекорыстнаго или даже обиженнаго наслѣдника, просившаго Его принудить несговорчиваго брата къ надлежащему раздѣлу наслѣдства, отстранилъ отъ себя это дѣло, сказавъ: «кто поставилъ Меня судьей?» — Но сила христіанства заключалась вовсе не въ его внѣшнихъ юридическихъ постановленіяхъ, а въ томъ внутреннемъ принципѣ, который лежалъ въ самой основѣ его бытія. А этотъ принципъ былъ именно принципъ любви, какъ разъ противоположный тому принципу эгоизма, которымъ жилъ древній міръ, и онъ неизбѣжно долженъ быть оказать противоположное дѣйствіе. Сила провозглашенаго христіанствомъ принципа любви въ томъ и состоитъ, что она для своего дѣйствія не нуждается въ какихъ-нибудь внѣшнихъ правилахъ и правовыхъ постановленіяхъ, потому что она дѣйствуетъ сама по себѣ, стихійно — подобно тому, какъ дѣйствуетъ закваска, оквашивающая все тѣсто. Какъ нѣтъ надобности (при нормальномъ состояніи вещей) постановлять правила, заставляющія матъ питать и лелѣять своего ребенка, потому что она сама безъ всякихъ правиль, по естественному чувству, стоящему выше всякихъ предписаній, питаетъ и лелѣяетъ его, и что чувство есть материнская

любовь, такъ и церковь Христова, безъ всякихъ виѣшнихъ юридическихъ предписаній, вносила въ общество ту любовь, которая изгоняла всякій эгоизмъ и попалаля всякия терпія соціальной несправедливости во взаимоотношеніи людей. Вотъ почему христіанство одной силой любви внесло столько правды и во виѣшнія соціальные отношенія людей, сколько не въ состояніи былъ внести Римъ со всѣми силами и мѣропріятіями его юридического генія.

Но иное дѣло принципъ и иное—осуществленіе его. Пока ярко горѣлъ пламень христіанской любви, подъ его всераспавляющей силой растаивали всѣ ледяныя горы соціального неравенства, и въ первобытныхъ христіанскихъ общинахъ находило себѣ примѣненіе даже высшее проявленіе братской любви, именно форма общенія имѣній. Но по мѣрѣ того, какъ неводъ христіанскихъ «ловцовъ человѣковъ» захватывалъ все большее пространство житейского моря и въ него попадали не только хорошия, но и негодныя рыбы, то первоначальный идеалъ по необходимости долженъ быть понизиться, а впослѣдствіи, когда официально міръ объявленъ былъ христіанскимъ, независимо отъ системы внутренняго достоинства и убѣжденія, то это пониженіе идеала должно было сказаться въ еще болѣе печальныхъ формахъ. Языческій міръ вновь стала вторгаться въ церковь со своими неправдами и съ своимъ эгоизмомъ и это по необходимости должно было отражаться и на соціальныхъ отношеніяхъ. Прежняя простота этихъ отношеній исчезла, опять появились и въ самой церкви раздѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, а съ этимъ раздѣленіемъ явились и всѣ неразлучныя съ нимъ крайности — съ одной стороны безграницной роскоши, а съ другой — вопіющей бѣдности. Такъ какъ кромѣ того въ IV вѣкѣ міръ только еще наполовину былъ христіанскимъ, а другая половина оставалась во тьмѣ язычества, то это еще болѣе усиливало воздействиѣ языческаго принципа, такъ что напр. въ Константиноپоль и Антіохіи, мѣстахъ служенія св. Іоанна Златоуста, соціальное неравенство проявлялось въ формахъ возмутительныхъ крайностей. Но если язычество съ его принципами эгоизма стремилось вновь внести тотъ же хаосъ въ соціальные отношенія, отъ которого погибалъ древній міръ, то съ другой стороны и христіанство не потеряло своей силы и выдвигало изъ своей среды дѣятелей, которые, воплощая въ себѣ глубочайший духъ любви, неустанно подвигами добрыми подви-

зались съ цѣлію внести этотъ духъ и въ обыденныя отношенія людей и чрезъ это возродить міръ. Многіе великие отцы и учителя церкви трудились на этомъ поприщѣ, но болѣе всѣхъ потрудился тотъ златоустый учитель, который былъ какъ бы воплощеніемъ самой любви и жилъ исключительно для блага людей. Его отношеніе къ богатству и бѣдности и особенно къ милостынѣ, какъ главному средству устраненія соціальной неправды, мы и изложимъ въ настоящей статьѣ¹⁾.

Какъ въ Антіохіи, такъ и въ Константинополѣ, гдѣ постѣдовательно совершалось служеніе св. I. Златоуста, предъ нимъ во всемъ ужасѣ развертывалась та именно картина соціального неравенства, которая самымъ своимъ существованіемъ воліяла къ пебу. Благодаря выгодному въ торговомъ отношеніи положенію, оба эти города славились своимъ богатствомъ, пышностью и великолѣпіемъ своихъ зданій, роскошью жизни. Несмѣтные богачи, обладавшие огромными средствами, утопали въ роскоши и изощрялись въ изысканіи новыхъ и новыхъ способовъ услажденія своей изнѣженій плоти. Многіе изъ нихъ имѣли не по одному, а по нѣскольку роскошныхъ дворцовъ и загородныхъ вилль, и такъ какъ въ одно время можно жить только въ одномъ мѣстѣ, то большинство этихъ домовъ пустовали, служа лишь доказательствомъ зазнавшагося тщеславія богачей; а гдѣ пребывали хозяева, тамъ постепенно давались торжества, на которыхъ подавались всѣ сладости, какія только могли быть придуманы изобрѣтательнымъ гениемъ чревоугодія. Дома были переполнены рабами, число которыхъ у иныхъ богачей доходило до нѣсколько тысячъ и которые исполняли всѣ прихоти господина и госпожи. Въ роскоши одѣждъ богачи не знали границъ, выписывали издалека самыя дорогія матеріи, платя за нихъ часто безумныя деньги, а женщины кромѣ того украшали себя всевозможными ожерельями и браслетами, такъ что па иной куртизанкѣ было навѣшано столько драгоцѣнностей, что ихъ достаточно было бы для прокормленія не одной семьи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но рядомъ съ этимъ богатствомъ и порожденною ими роскошью была другая картина—вопіющей бѣдности и нищеты. Въ то время какъ у богачей

¹⁾ См. Un reformateur de la societé chretienne au IV siécle. par Aimé Puech, p. 46 и сл.; Histoire de S. Jean Chrysostome, въ Гт. Oeuvres complètes, p. 201 и сл., Opera omnia въ изд. Миня, а также первые два тома „Полнаго собранія твореній св. I. Златоуста“ въ русскомъ переводе.

пустовало по нѣсколько роскошныхъ домовъ, служившихъ лишь мѣстомъ жительства какой-нибудь любимой собаки или обезьяны, окруженнныхъ заботами цѣлыхъ десятковъ рабовъ, у самыхъ воротъ этихъ роскошныхъ домовъ, часто въ холода и голодѣ ютились несчастные бѣдняки, у которыхъ не было иного крова, кромѣ свода небеснаго, и которымъ негдѣ было приклонить голову. Въ то время какъ богачи тратили съ безумною расточительностью огромныя суммы, чтобы выплатить изъ отдаленныхъ странъ роскошнага випа для услажденія своего излыженнаго чрева или получить «висонныя» матеріи, которые предназначались не для одѣянія (потому что были тонки до прозрачности), а для тщеславнаго удовлетворенія требованіямъ прихотливой моды, — бѣдняки не имѣли и куска хлѣба для утоленія муки голоду или грязныхъ ложмтьевъ для прикрытия своей наготы. Однимъ словомъ — въ широкомъ соціальномъ масштабѣ повторялась глубокожизненная притча о богачѣ и Лазарѣ. При видѣ этихъ вопіющихъ крайностей не могло не возмущаться даже простое чувство правды. Понятно, какія чувства должны были наполнять душу того, кто смотрѣль на всѣ отношения съ высшей точки зрѣнія, кто самъ постоянно жиль въ области христіанскаго идеала и, при своей глубочайшей вѣрѣ въ господство высшей Правды, царствующей въ мірѣ, жаждалъ увидѣть ея осуществленіе на землѣ. Какъ юристъ по образованію, Златоустъ конечно знакомъ былъ съ законами соціально-экономическаго развитія и зналъ, что подобныя крайности въ соціально-экономическомъ отношеніи составляютъ неизбѣжное послѣдствіе несовершенства и грѣховности самого человѣка, такъ что всецѣло устранить ихъ можно было бы не иначе, какъ радикально измѣнивъ человѣческую природу съ ея недостатками и страстями, т. е. въ сущности дѣло это стоитъ выше всякихъ возможностей разума человѣческаго. Не даромъ величайшіе умы древности въ своихъ идеальныхъ «республикахъ», какъ Платонъ или Аристотель, не могли стать выше того соціального порядка, въ которомъ благосостояніе немногихъ гражданъ основывается на рабствѣ массы безправныхъ людей, т. е. основывается на признаніи рокового закона соціального неравенства. Этотъ законъ древнаго міра былъ отмѣненъ Искупителемъ человѣчества, который, всѣхъ искупивъ своею безцѣпною кровью отъ грѣха, проклятія и смерти, тѣмъ самыемъ восстановилъ первоначальное равенство на основѣ духовной

свободы и братской любви. Но это духовное равенство могло сохранить свое влияние на действительную жизнь дотолѣ, пока проповеданный христианствомъ идеалъ сохранялъ свой первоначальный жизненный характеръ, пока онъ служилъ действительнымъ закономъ жизни, которому по внутренней потребности обновленного духа всѣ подчинялись не только добровольно, но и съ любовью. Въ такомъ идеальномъ состояніи находилась первоначальная община христианъ, когда «всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ, и имѣли все общее» (Дѣян. II, 14); но затѣмъ, когда пыль первоначальной восторженности въ вѣрѣ стала остывать, то вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно понизился и самъ идеалъ, и съ распространениемъ христианства по всему миру въ среду христианъ стали снова проникать и и всѣ тѣ грѣховныя наклонности и страсти, которыхъ опять привели къ полному раздѣленію въ соціально-экономическомъ отношеніи. И это неравенство было тѣмъ ужаснѣе, что оно стояло въ разительномъ противорѣчіи съ первоначальнымъ идеаломъ и въ немъ находило свое изображеніе, какъ состояніе вполнѣ ненормальное и несогласное съ духомъ христианства.

Уже отсюда становится понятнымъ, какъ долженъ быть относиться къ подобному явлению такой великий поситель христианского идеала, какъ св. Іоаннъ Златоустъ. Во время своего служенія въ Антіохіи въ санѣ діакона онъ имѣлъ полную возможность близко ознакомиться съ вопіющими крайностями богатства и бѣдности, особенно когда ему часто приходилось видѣть, какъ рядомъ съ убогой хижиной, гдѣ онъ въ качествѣ діакона навѣщалъ какую-нибудь бѣдствовавшую семью съ холодными и голодными дѣтьми, стоялъ роскошный дворецъ бoga, безумно расточавшаго несметныя богатства на самыя изысканныя сладости и роскошнѣйшія одежды или даже на украшеніе тѣхъ лошаковъ, на которыхъ выѣзжала кататься его любимая куртизанка. Неудивительно, что не только такія крайности вообще, но и самое богатство, какъ употребляемое съ такимъ безумствомъ, не могло возбуждать сочувствія въ священнослужителѣ, предъ умственнымъ взоромъ котораго постоянно предносился христианскій идеалъ. Вотъ почему, если бѣдность и связанныя съ нею бѣдственность возбуждала въ немъ горячее сочувствіе, выражавшееся въ неустанныхъ дѣлахъ благотворенія, то съ другой стороны богатство съ его излишествами вызывало въ немъ негодованіе и осужденіе.

Онъ прямо находилъ подобное состояніе ненормальнымъ, противо-христіанскимъ, и происхожденіе его видѣлъ въ самыхъ темныхъ источникахъ. Рассматривая происхожденіе огромныхъ богатствъ, онъ приходилъ къ мысли, что въ основѣ всѣхъ такихъ богатствъ лежитъ несправедливость, обманъ или насилие. «Скажи мнѣ, говорилъ онъ въ бесѣдѣ на 1 посланіе къ Тимофею,—каковъ источникъ твоего богатства? Отъ кого ты получилъ его, и отъ кого получилъ его тотъ, кто передалъ его тебѣ? Можешь ли ты, восходя чрезъ нѣсколько поколѣній, показать, что пріобрѣтеніе его праведно? Этого не можетъ быть. Корень и происхожденіе его окажется въ несправедливости. Почему? Потому что Богъ въ началѣ не сотворилъ одного богатыя, а другого бѣдныя. И впослѣдствіи Онъ не бралъ и не показывалъ одному сокровища золота, а другимъ отказывалъ въ правѣ искать его; но Онъ оставилъ землю свободною для всѣхъ»¹⁾). Какъ въ самомъ дѣлѣ образовались эти огромныя богатства, если не на счетъ малыхъ и бѣдныхъ? Они суть плодъ алчности и жадности,—двухъ самыхъ ужасныхъ и возмутительныхъ пороковъ». Знаешь ли ты, какъ вообще люди обогащаются? Помѣдствомъ разныхъ мелкихъ продѣлокъ и обмановъ, съ которыхъ начинаютъ мелкие торговцы и ремесленники, а затѣмъ и прямо при посредствѣ широкихъ разсчетовъ на бѣдственность людей», какъ это Златоустъ показалъ на примѣрѣ богача, скорбѣвшаго о томъ, что его расчеты на плохой урожай не оправдались и такимъ образомъ сдѣланные имъ огромные запасы хлѣба, съ цѣлью продать ихъ по возможно высокой цѣнѣ голодающимъ, оказались напрасными²⁾). Обогащаются затѣмъ еще при помощи ростовщичества, принимавшаго столь позорныя формы, что гражданскимъ закономъ было запрещено сенаторамъ прибѣгать къ такому ложному источнику наживы³⁾). Наживаются далѣе на счетъ несчастныхъ вдовъ и

¹⁾ На 1 Тим. Бес. XII, 4.

²⁾ На 1 къ Фесс. X, и на 1 къ Корине. XXXIX.

³⁾ На ев. Мате. LVI. Ростовщичество особенно возбуждало противъ себя священное негодованіе Златоуста, и онъ безъ всякаго ограниченія запрещаетъ его. Подъ ростовщичествомъ же онъ, подобно и другимъ отцамъ церкви, разумѣеть не взиманіе только чрезмѣрного роста, а самый ростъ вообще, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ упоминаетъ и прямо осуждаетъ взиманіе роста въ одинъ процентъ въ мѣсяцъ, или 12% годовыхъ. Правда, процентъ этотъ весьма значительный по нашему времени, но въ древности онъ считался самымъ обычнымъ при займахъ. Объ отношеніи отцовъ церкви къ ростовщичеству см. Funk, Geschichte des kirchlichen Zinsverbotes, где показано, что отцы церкви осуждали вообще всякое взиманіе процентовъ.

сиротъ, достояніе которыхъ расхищаютъ разные мнимые благодѣтели, пользуясь ихъ безпомощностью или неопытностью. И самыми ненасытными обыкновенно бываютъ самые богатые люди. Они именно бываютъ и самими неумолимыми кредиторами, которые именно, какъ зналъ Златоустъ изъ опыта своей адвокатской практики, постоянно и возбуждаютъ всѣ тяжбы и раззоряютъ маленькихъ людей ⁴⁾.

Въ виду такихъ возврѣній св. И. Златоуста на происхожденіе богатства неудивительно, что изъ его усть по временамъ вырываются слова, которыя могутъ показаться жесткими и заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей приравнивать его въ этомъ отношеніи къ такимъ демагогамъ, какъ Гракхи, и видѣть въ его возврѣніяхъ сходство съ позднѣйшими возврѣніями Руссо и подобныхъ ему мыслителей. Но разсуждать такъ, значитъ совсѣмъ не понимать самого источника, откуда исходятъ возврѣнія Златоуста, и цѣль, къ которой онъ стремился. Ни на мигъ не нужно забывать, что онъ былъ строжайшій носитель христіанскаго идеала съ его идеями любви и братства, и что цѣллю его проповѣди было возвращить этотъ идеалъ въ наличной, далеко уклонившейся отъ него жизни. Тогда станетъ понятнымъ, что Златоустъ въ этомъ отношеніи стоялъ совершенно на той же точкѣ зрѣнія, какъ и другіе отцы церкви, какъ напр. св. Амвросій медіоланскій, который также высказывалъ мысли, напоминающія собою первоначальный идеалъ христіанъ апостольского вѣка. Но это отнюдь не значитъ, чтобы они были какими-нибудь утопистами, отрицающими право собственности. Они проповѣдывали то самое ученіе, которое провѣдется церковью, а церковь явственно выразила свой взглядъ на священное право собственности, когда она осудила апоктитовъ и монаха Евстаѳія, которые требовали отъ богатыхъ полнаго отреченія отъ своего богатства и отказывали въ надеждѣ на спасеніе тѣмъ, кто обладали имѣніями здѣсь на землѣ. Поэтому ставить св. И. Златоуста на одну доску съ агитаторами въ родѣ Гракховъ, значитъ не понимать ни евангелія, ни ученія Христовой церкви, отъ которыхъ онъ не отступалъ ни на іоту. Напротивъ, именно желаніе воплотить это ученіе въ наличную жизнь и вызывало въ немъ истинную пастырскую скорбь о несоответствіи идеала съ дѣйствительностью, которая представляла въ его время по

⁴⁾ На Дѣян. Апост. XIЛІ.

истинѣ печальную картину. Ростовщичество, расхищеніе провинцій, постыдное вымогательство — вотъ былъ дѣйствительный источникъ образованія огромныхъ богатствъ тогдашихъ магнатовъ и плутократіи, и эти богатства, какъ худо нажитыя, худо и употреблялись. Земледѣліе, торговля, свободный трудъ находились въ отчаянномъ состояніи; крестьяне, колонисты, рабочіе почти умирали съ голода; нищетство принимало зловѣщіе размѣры; нападенія варваровъ причиняли разореніе, еще болѣе усиливая голодъ и бѣдственность, и въ виду этой всеобщей бѣдственности немногіе сравнительно счастливцы, захвативъ въ свои руки почти всѣ земли имперіи, расточали огромныя суммы на оргіи, на кутежи и на куртизанокъ, — на безумную роскошь столь же безсмысленную, какъ и безправственную, —увѣшивая своихъ лошадей золотыми и драгоценными бездѣлушками, украшая даже кровли своихъ домовъ золотыми и серебряными звѣздами, — однимъ словомъ безумно расточая деньги и въ то же время съ грубымъ безсердечіемъ относясь къ своимъ должникамъ и бѣднякамъ. Въ этомъ отношеніи съ одинаковымъ негодованіемъ высказывались всѣ великіе отцы и учители церкви — кроме св. И. Златоуста, св. Амвросій и блаж. Іеронимъ, св. Василій Великій и Астерій. Удивительно ли, что при видѣ такого зазорнаго зрѣлища безсмысленной расточительности — съ одной стороны и вопиющей бѣдственности — съ другой, изъ груди этихъ великихъ выразителей религіи любви по временамъ вырывались возгласы рѣзкаго негодованія и осужденія на жестокія излишества гордости, эгоизма и хищничества!. Отвращаясь отъ столь ужасной дѣйствительности, они любили находить себѣ убѣжище въ идеалѣ, переноситься такъ сказать въ первобытный Эдемъ, въ которомъ все дышало певинностью, любовью и блаженствомъ, — возвращаться къ первымъ днямъ зарождавшагося христіанства, когда вѣрующіе имѣли одно сердце и всѣ вмѣстѣ пребывали въ молитвѣ и любви — до забвенія самыхъ правъ собственности. Неудивительно также, что эти великіе святители, не видя другого средства для осуществленія христіанскаго идеала въ окружавшей ихъ печальной дѣйствительности, прямо указывали на монастыри, какъ единственная мѣста, куда не могъ вторгаться міръ съ его страстями и неправдами, гдѣ царствовала братская любовь, гдѣ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, исключались самыя понятія о

моемъ и твоемъ и гдѣ поэтому христіанскій идеалъ находилъ себѣ единственное убѣжище. При видѣ этого благословен-наго состоянія въ монастыряхъ, у святителей невольно является мысль о томъ, какое было бы счастье для всего человѣчества, если бы это состояніе можно было распространить на все человѣчество, потому что оно измѣнило бы все лицо земли, возвратило бы рай на землю и, отдавая всѣ блага въ общее владѣніе всѣхъ людей, вдоворило бы потерянное счастье на землѣ. Но отъ этихъ благочестивыхъ мечтаний до безумныхъ теорій народныхъ агитаторовъ, старающихся обыкновенно разрушать существующее бѣзъ яснаго понятія о томъ, какъ и что можетъ быть создано на руинахъ разрушенаго,—безконечное разстояніе. Стоить только выступить новатору, который быставилъ бѣдность въ долгъ каждому, подвергалъ бы сомнѣнію право собственности, какъ эти же великие носители христіанскаго идеала первые выступать въ защиту соціальнаго порядка и мужественно будуть ниспровергать всѣ эти безумныя бредны. Такъ, едва ли кто сильнѣе св. И. Златоуста возставалъ противъ всякаго посягательства на чужое добро, какимъ бы предлогомъ ни прикрывалось это посягательство. Нѣть ничего, говорилъ онъ, постыднѣе воровства ¹⁾; его осуждаютъ какъ божескіе, такъ и человѣческіе законы ²⁾; ничѣмъ, и даже самой милостыней нельзя загладить его ³⁾; самыя приношенія, исходящія изъ этого нечистаго источника, недостойны того, чтобы приносить ихъ къ алтарю ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «Вы смущаетесь, видя на землѣ богатыхъ и бѣдныхъ, и пользуетесь случаемъ обвинять Бога въ несправедливости. Я же напротивъ говорю, что неравенство между нами по состоянію есть одно изъ доказательствъ Его Промышленія. Не будь бѣдныхъ — и у васъ не было бы ни матросовъ, ни лоцмановъ, ни рабочихъ, ни кузнецовыхъ, ни хлѣбниковъ. Кто сталъ бы заниматься какимъ-нибудь механическимъ ремесломъ? Все было бы смятеніемъ и беспорядкомъ. Бѣдность есть великая наставница людей: она побуждаетъ и принуждаетъ ихъ къ работѣ и къ занятію ремеслами. Если бы мы всѣ были богачами, мы всѣ заснули бы въ лѣни; домостроительство міра поколебалось бы и общество не могло

¹⁾ На еванг. Иоанна LII, 8,

²⁾ На еванг. Мате. LI, 6.

³⁾ Тамъ же LII, 4.

⁴⁾ Тамъ же L, 8.

бы существовать»¹). Еще ярче эту мысль о необходимости неравенства по состоянию онъ высказываетъ въ 34 бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринтянамъ, гдѣ съ свойственною ему живостью воображарія подтверждаетъ свою мысль нагляднымъ примѣромъ. «Представимъ себѣ два города, изъ которыхъ одинъ состоять исключительно изъ богачей, а другой также исключительно изъ бѣдныхъ. Сравнимъ эти города. Въ состояніи ли существовать городъ богатыхъ? Окажется, что если городъ бѣдныхъ будетъ въ состояніи самъ по себѣ существовать, то городъ богатыхъ почувствуєтъ нужду въ бѣдныхъ». «Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ городѣ богатыхъ не будетъ ни фабричного рабочаго, ни строителя, ни плотника, ни сапожника, ни пекаря, ни землемѣльца, ни слесаря, ни ветровочника, ни другихъ какихъ нибудь ремесленниковъ. Вѣдь кто изъ богачей захотѣлъ бы заниматься этими ремеслами, когда мы видимъ, что даже тѣ самые люди, которые занимаются ими, ставъ богатыми, не выносятъ долыше трудностей, причиняемыхъ этими работами? Какъ же будетъ существовать такой городъ? Богатый, отвѣчаешь, давая деньги, купить на нихъ все ему нужно отъ бѣдныхъ. Но въ такомъ случаѣ значить онъ не будетъ существовать самъ собою, что доказывается его нуждою въ другихъ. Но какъ богачи будутъ строить дома? Неужели они купятъ и это? Самая природа вещей не допускаетъ этого. Поэтому они должны будутъ пригласить мастеровъ оттуда и нарушить законъ, который мы сначала постановили, основывая такой городъ, въ которомъ не должно быть ни одного бѣднаго человѣка. И вотъ сама необходимость противъ нашей воли приглашаетъ и вводить ихъ. Отсюда очевидно, что безъ бѣдныхъ невозможно существовать для города, такъ какъ если бы этотъ городъ продолжать не допускать къ себѣ таковыхъ, то онъ перестанетъ существовать и погибнетъ. Яспо, что онъ не въ состояніи поддерживать себя, если не собереть бѣдныхъ, которые, какъ своего рода хранители, жили бы въ немъ. — Но посмотримъ также на городъ бѣдныхъ, окажется ли онъ въ подобномъ затруднительномъ отношеніи, будучи лишенъ богатыхъ. И прежде всего надлежащимъ образомъ уяснимъ себѣ сущность богатства. Въ чёмъ можетъ состоять богатство? Въ золотѣ; серебрѣ, драгоценныхъ кампахъ, въ одеждахъ

¹) Бесѣды объ Аннѣ, V, 8.

шелковыхъ, пурпурныхъ и шитыхъ золотомъ. И воть теперь, зная, въ чёмъ состоитъ богатство, удалимъ его изъ города бѣдныхъ, и такъ какъ мы хотимъ, чтобы городъ исключительно состоять изъ бѣдныхъ, то пусть тамъ не показывается золота, а если угодно, то даже ни серебра, ни серебряныхъ сосудовъ. И что же? Будеть ли такой городъ и его обитатели жить въ нуждѣ, скажи мнѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Предположимъ сначала, что нужно обстроиться; для этого не нужно ни золота, ни серебра, ни жемчуговъ, а нужны умѣніе, руки, да не всякия вообще руки, а мозолистыя съ загрубѣлыми пальцами, — нужны большая сила, дерево и камни. Предположимъ затѣмъ, что потребуется справить одежду; опять и здѣсь не нужно ни золота, ни серебра, а какъ и раньше, требуются умѣніе, руки и работающія женщины. А что если потребуется обрабатывать или рыть землю? Кто нужны здѣсь — богатые, или бѣдные? Всякому очевидно, что бѣдные. И когда нужно также ковать желѣзо, или дѣлать что нибудь подобное, то опять именно въ такихъ людяхъ мы больше всего и нуждаемся. — Итакъ, къ чему же можетъ оказаться нужнымъ городъ богатыхъ? Да ни къ чему, кроме того, чтобы срыть этотъ городъ. Ибо если и простой народъ будетъ входить въ него, и любомудры (любомудрами я называю тѣхъ, которые не нуждаются ни въ чёмъ излишнемъ) ниспадутъ до желанія золота и драгоценностей, предаваясь лѣности и роскоши, они все погубятъ съ этого времени»¹⁾.

Такимъ образомъ въ бытовомъ отношеніи бѣдные въ сущности имѣютъ больше устойчивости и обеззначенности въ своемъ существованіи, потому что они больше приспособлены къ борьбѣ за существованіе. Но даже и въ смыслѣ наслажденія жизнью они имѣютъ не только равенство, но и преимущество предъ богатыми. Хотя сами по себѣ богатство и бѣдность безразличны и все зависить отъ того, какъ они употребляются, однако въ пѣкоторыхъ случаяхъ бѣдность доставляетъ больше счастья, чѣмъ богатство. Св. И. Златоустъ часто указываетъ на непадежность и превратности судьбы, ярко изображаетъ муки богатаго скучца; часто въ какихъ идеалистическихъ краскахъ у него рисуется простая, близкая къ природѣ жизнь бѣдныхъ поселенъ! У бѣдного меныше заботъ, онъ меныше подвергается опасностямъ, онъ спить гораздо болѣе пріятнымъ спомъ.

¹⁾ На 1 Кор. Бес. XXXIV, 8.

Предпочтительно предъ богатствомъ, бѣдность укрѣпляетъ тѣло, исправляетъ душу и есть матерь мудрости. Да и настолько ли бѣднякъ лишенъ радостей, какъ многіе думаютъ? «Что мнѣ сказать о солнцѣ, восклицаетъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ, — объ этомъ блестательномъ и пламенномъ свѣтилѣ, которое радуетъ наши глаза? Не составляеть ли оно источника наслажденія общаго для всѣхъ — богатыхъ и бѣдныхъ? Что сказать о коронѣ, которую составляютъ звѣзды на тверди? Что сказать о лунѣ? Не всѣмъ ли одинаково принадлежать онѣ? Но кромѣ того — замѣчательно! — мы, бѣдные, пользуемся ими лучше богатыхъ. Оши, чаще всего, погрязнувъ въ пьянствѣ, проводятъ свою жизнь поочередно то въ разгульныхъ ниршествахъ, то въ тяжеломъ снѣ, который слѣдуетъ за ними, и даже не замѣчаютъ этихъ возвышенныхъ зрѣлищъ; они не выходять изъ своего жилища, и живутъ въ тѣни. Положеніе же бѣдныхъ напротивъ таково, что никакой еще классъ людей не наслаждается въ такой полноти красотами природы. Въ селѣ воздухъ чище, чѣмъ въ городѣ. Странники и землемѣльцы болыше наслаждаются этой роскошью, чѣмъ обитатели города, ремесленники болыпе, чѣмъ тѣ, кто пребывають въ ильственности по цѣлымъ днямъ»¹⁾). Понятно, насколько такія рѣчи способствовали такъ сказать умиротворенію сердца бѣдняковъ, которые видѣли, что они вовсе не такъ обездолены, какъ имъ кажется, и даже имѣютъ свои преимущества предъ богатыми. Чувства ихъ, раздраженные суровою дѣйствительностью, смягчались, и они смиренno полагались на неизслѣдимые пути Промысла Божія. Изъ бесѣдъ своего любвеобильнаго защитника, такъ горячо ратовавшаго за нихъ, они научались не завидовать богатымъ, не проклинать баловней міра сего, а благословлять и кротко сносить долю бѣдности. Вѣдь это состояніе освящено и облагорожено примѣрами величайшихъ мужей. Пророки Илія и Елисей, Предтеча Христовъ Іоаннъ Креститель, всѣ апостолы — жили въ бѣдности и предпочитали ее; Самъ Іисусъ Христосъ облагородилъ и освятилъ ее, и она, нисколько не унижая христіанина, даже служить для него вѣнцомъ славы. И потому бѣдность должна быть сносима съ благодарностью и даже должна быть желательна.

Сами по себѣ богатство и бѣдность такимъ образомъ не составляютъ ни добра, ни зла, и въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ

¹⁾ На 1 Кор. Бес. XXXIV, 8.

²⁾ На 2 Кор. Бес. XII, 5.

бѣдность даже имѣть свои преимущества. Но все зло зависит отъ того, что бѣдность имѣть наклонность подчинять бѣдняковъ богатымъ, ставить первыхъ въ зависимость отъ послѣднихъ, и богатые, пользуясь этимъ, въ забвѣніи всякаго чувства человѣчности и братства, дѣлаются тиранами для бѣдныхъ, превращаются въ волковъ, расхищающихъ беззащитныхъ агнцевъ. Съ этой стороны противоположность между богатствомъ и бѣдностью уже прямо составляетъ соціальное зло, и св. Іоаннъ Златоустъ не смолчалъ въ обличеніи его. Нельзя отрицать того, что онъ неодинаково относился къ богатымъ и бѣднымъ. Насколько онъ становился яѣжецъ и любвеобилецъ, когда говорилъ о бѣдныхъ, высказывая имъ самыя сладостныя утѣшения, настолько его голосъ возвышался до раскатовъ громоваго гнѣва, когда онъ обращался къ тѣмъ, кого считалъ обидчиками и угнетателями бѣдняковъ. Изрѣдка только онъ изображалъ доброго богача, «который платить долги несчастныхъ, посыпаетъ узниковъ»¹); зато, какъ часто изображаетъ онъ дурныхъ и злыхъ богачей! Достаточно прочесть его знаменитыя бесѣды на притчу о богатомъ и Лазарѣ, — этотъ замѣчательнѣйшій образецъ великаго истолковательнаго искусства святителя, — чтобы убѣдиться, насколько симпатіи св. отца склонялись къ Лазарю и насколько безсердечіе богача возбуждало въ немъ праведный гнѣвъ, не мало вліавшій на общую окраску его понятій о богатыхъ²). Неудивительно, что богатые люди не разъ высказывали свое недовольство на проповѣдника и роптали, упрекая его въ пристрастіи къ бѣднякамъ. Отвѣчая на эти упреки, онъ говорилъ: «меня обвиняютъ въ томъ, что я нападаю на богатыхъ; но они сами, развѣ не постоянно (нападаютъ) на бѣдныхъ? Нѣтъ, я нападаю не на богатыхъ, а на тѣхъ, которые злоупотребляютъ своимъ богатствомъ. Не перестану я повторять: я порицаю не богача, а грабителя. А иное дѣло богачъ, иное дѣло — грабитель; иное дѣло богатство, иное дѣло — алчность. Различайте же то, чего не должно смешивать. Ты богатъ? — Я не препятствую тебѣ. Ты грабитель? — Я обличаю тебя въ преступленіи. То, чѣмъ ты владѣешь, принадлежитъ тебѣ? Тѣмъ лучше, — ты имѣешь право пользоваться имъ. Но если ты присвоилъ себѣ чужое добро? — Я не смолчу. Ты хочешь меня побить

¹⁾ На Мате. въ Бесѣдѣ XXIII.

²⁾ Эти бесѣды см. въ I томѣ „Полнаго собранія творешій св. Г. Златоуста“ въ русскомъ переводе, Спб. 1895 г.

камнями? Я готовъ отдать мою кровь, если только этимъ помѣшаю тебѣ въ преступности. Что мнѣ ненависть и нападки? Одно только занимаетъ меня: преуспѣніе моихъ слушателей. Если ты врагъ бѣднаго, я обвиняю тебя; но пойми, что жестокость богача гибельнѣе для него самого, чѣмъ для бѣднаго»¹⁾. Уже въ послѣдніе годы своего архипастырства, когда злоба враговъ сплетала терновый вѣнецъ мученичества ему на главу, онъ говорилъ еще: «Мнѣ говорять: не перестанешь ли ты нападать на богатыхъ? Опять анаѳемы на богатыхъ!» А я отвѣчу вамъ: опять заявляетъ о себѣ ваша жестокость къ бѣднымъ! Вы не перестаете обижать бѣдныхъ—и я не перестаю укорять и порицать васъ. Да и не вѣсь преслѣдую я, а волка. Если ты не волкъ, я не преслѣду тебя. Если же ты сдѣлался волкомъ, то самъ себя вини. Я не противъ богатыхъ, знайте это; напротивъ, я за богатыхъ. Я не нападаю на нихъ, а хочу исцѣлить ихъ недугъ»²⁾. Какъ велико было дерзновеніе святителя въ защитѣ бѣдныхъ—отъ хищническаго посягательства богатыхъ и сильныхъ міра сего, показываетъ знаменитый случай, какъ онъ не смутился укорить и даже лишить права вступленія въ церковь саму царицу Евдоксію за то, что она присвоила себѣ виноградникъ одной беззащитной вдовы.

До извѣстныхъ предѣловъ соціально-экономическое неравенство есть такимъ образомъ не только не зло само по себѣ, а есть соціальная необходимость, острыя стороны которой можно смягчать силой права и законности, ограниченіемъ крайняго развитія алчности богатыхъ и сильныхъ міра сего. Но жизнь никогда не удерживается въ предѣлахъ правъ и, вслѣдствіе самой испорченности человѣческой природы, приводить наконецъ къ тому соціальному злу, которое называется нищетствомъ, т. е. такимъ состояніемъ, въ которомъ человѣкъ или даже цѣлый классъ лишается всякой возможности производительнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе и въ этомъ отношеніи ему остается лишь уповать на милость Божію и на добросердечіе людей. Различные несчастья, сиротство, болѣзни — все это способствуетъ образованію соціального зла нищенства, и зло настолько является неизбѣжнымъ въ условіяхъ нашего несовершенного соціального порядка, что еще не было такого геніального законодателя, мысль которого осмыслилась бы

¹⁾ Бесѣда на Евтропія, 3 (печ. въ III томѣ „Полнаго Собрания“).

²⁾ Бесѣда на слова Давида (въ III томѣ „Полн. Собрания“).

стать выше сознания неизбежности этого зла и Самъ Божественный Спаситель міра сказалъ: «нищихъ всегда имъете при себѣ». Люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ, выброшены движениемъ соціального механизма изъ колеи правильной общественной жизни и повергнуты въ состояніе нищенства, очевидно несчастны; но въ древности бѣдственность ихъ была еще несравненно тяжелѣе вслѣдствіе того, что древность не знала тѣхъ формъ организованной благотворительности, какія выработались въ новѣйшее время. Жизнь нищихъ въ древности была ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ и голодная смерть производила между ними обильную жатву. Закоснѣвшій въ своемъ эгоизмѣ міръ равнодушно смотрѣлъ на это ужасное бѣдствіе и притча о безсердечномъ богачѣ, беззаботно веселившемся въ то самое время, какъ у воротъ его дома лежалъ больной нищей Лазарь, получавшій скорѣе облегченіе отъ собакъ, чѣмъ отъ ихъ жестокаго господина, представляеть живую картину положенія нищихъ въ древности. Но если такъ относились къ этой нищѣй обездоленной братіи сыны міра сего, то совсѣмъ иначе относились великие проповѣдники церкви Христовой. Они глубоко проникнуты были заповѣдью Христа и любви къ ближнимъ вообще и къ несчастнымъ въ особенности и помнили великую бесѣду о томъ, что въ этихъ убогихъ о нищихъ алчеть и жаждеть Самъ Христосъ, иссытующи силу нашего человѣколюбія. И вотъ они неустанно возвышали свой голосъ въ пользу милостыни нищѣй братіи и однимъ изъ величайшихъ проповѣдниковъ милостыни, какъ главнаго средства оказательства христіанской любви, и былъ именно св. Иоаннъ Златоустъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь потрудился надъ разъясненіемъ той мысли, что если есть дѣйствительная сила, способная оказывать противовѣсь эгоизму и поддерживать равновѣсіе въ соціальномъ порядкѣ, то это есть именно благотворительность или милостыня, какъ наилучшій плодъ христіанского человѣколюбія. Какъ дивный ходъ звѣздъ поддерживается силой тяготынія, космосъ—средствомъ составляющихъ его элементовъ, такъ ту же роль въ отношеніяхъ людей исполняетъ человѣколюбіе или милостыня. Она не угрожаетъ собственности, не поглощаетъ индивидуальности, не подавляетъ дѣятельности; она не есть ни хищеніе, ни принужденіе, ни униженіе, а чистая любовь, которая не надмеваетъ ума, а сближаетъ сердца между собой. Въ основѣ ея лежить законъ, заключающійся въ немногихъ словахъ: «Люби ближ-

няго твоего какъ самого себя—ради любви Божіей». И дѣйствительно, среди отцовъ церкви IV вѣка нѣть еще такого, который бы больше потрудился для проповѣди человѣколюбія къ бѣднымъ, чѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ. Онъ по-истинѣ есть вдохновенный и неутомимый апостолъ милостыни. Рѣдко можно указать такую бесѣду, въ которой бы онъ не прославлялъ эту «царицу добродѣти», и нельзя не удивляться тому изумительному разнообразію мыслей и образовъ, которые вызываются въ немъ идеей милостыни. Въ образецъ милостынника онъ въ одной бесѣдѣ къ антіохійцамъ ставить апостола Іоанна, съ которымъ у него самого, по его словамъ, нѣть ничего общаго, кроме имени. Въ дѣйствительности, у него было больше общаго съ нимъ: онъ отличался тѣмъ же именно духомъ любви и милостыни, какимъ преданіе характеризуетъ любимаго ученика Господа Христа. Но переходимъ къ точному изложенію ученія великаго святителя о милостынѣ по его собственнымъ твореніямъ.

Всегда покровитель бѣдныхъ, труждающихся и обремененныхъ, онъ былъ однажды особенно пораженъ ужасомъ открывшейся предъ нимъ картины нищеты и бѣдственности въ своемъ городѣ, и подъ впечатлѣніемъ этой картины, придя въ церковь, произнесъ цѣлую бесѣду о «милостынѣ», которую прямо и началъ изображеніемъ видѣнной имъ бѣдственности и призывомъ къ ея облегченію. Вотъ что онъ говорилъ въ началѣ этой своей бесѣды «О милостынѣ»: «Съ ходатайствомъ праведнымъ, полезнымъ и почетнымъ для васъ предсталъ я сегодня предъ вами: уполномочилъ па него меня не другой кто, а живущіе въ нашемъ городѣ бѣдныс, не словами, не голосами или мнѣніемъ общественного совѣта, но жалкимъ и самымъ горестнымъ видомъ своимъ. Проходя чрезъ площадь и по улицамъ, и поспѣшная въ ваше собраніе, я видѣлъ много лежащихъ среди дороги людей, изъ которыхъ одни безъ рукъ, другіе безъ глазъ, иные покрыты струпьями и ранами и выставляли на видъ тѣ особленно члены, которые нужно бы закрывать по причинѣ находящагося на нихъ гноя, и почель крайне безчеловѣчнымъ — не сказать о нихъ любви вашей, особенно когда сверхъ сказанного (т. е. жалкаго положенія бѣдныхъ) побуждаетъ насъ къ этому и самое время года. Правда, и во вслкое время нужно говорить о милостынѣ, потому что мы и сами имѣемъ великую нужду въ милости создавшаго

насъ Господа; но особенно (это необходимо) въ настоящее время, когда такая большая стужа. Лѣтомъ бѣдные получаютъ великое облегченіе отъ самого времени года: тогда они безопасно могутъ ходить и нагими, потому что солнечные лучи служатъ для нихъ вмѣсто одежды; они могутъ сидѣть прямо на мостовой и спокойно проводить ночи подъ открытымъ небомъ; не имѣютъ такой нужды ни въ обуви, ни въ винѣ, ни въ большомъ количествѣ пищи, но довольствуются водою изъ источниковъ, насыщаются — одни самыми дешевыми овощами, другіе небольшимъ количествомъ сухихъ сѣянъ, такъ какъ самое время года предлагаетъ имъ готовую трапезу. А не менѣе этого есть тогда для нихъ и другое облегченіе — въ удобствѣ заниматься работами; въ ихъ то особенно содѣйствіи нуждаются и строители домовъ, и воздѣлыватели земли, и плавающіе по морямъ. Что для богатыхъ поля, дома и другіе источники доходовъ, то для бѣдныхъ — ихъ собственное тѣло, и весь доходъ ихъ отъ собственныхъ рукъ, а болѣе ни откуда. Такимъ образомъ, лѣтомъ они получаютъ некоторое облегченіе, въ зимнее же время противъ нихъ со всѣхъ сторонъ великая война и двойная осада, потому что внутри голодъ сѣдаетъ ихъ утробы, извѣнѣ стужа сжимаетъ и дѣлаетъ окоченѣлыми тѣло ихъ. Поэтому (зимою) они нуждаются и въ большемъ количествѣ пищи, и въ болѣе теплой одеждѣ, и въ кровлѣ и постели, и обуви, и во многомъ другомъ; а что всего хуже, не имѣютъ возможности заниматься и работами, потому что не позволяетъ время года. — Итакъ, когда у нихъ и наибольшая нужда въ необходимомъ, а сверхъ того нѣть и работы, потому что никто ихъ, несчастныхъ, не нанимаетъ и не приглашаетъ въ услуженіе, вотъ мы, взамѣнъ нанимающихъ, употребимъ въ дѣло руки милосердія, взявъ въ этомъ дѣлѣ за образець Павла, истинаго покровителя и попечителя бѣдныхъ» ¹⁾.

Этотъ тонъ, взятый св. И. Златоустымъ въ бесѣдѣ, прямо посвященной вопросу о положеніи бѣдныхъ и убогихъ, затѣмъ поддерживается во всѣхъ его твореніяхъ. Помощь бѣднымъ, милостыня, это — любимые предметы любвеобильнаго святителя, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ возвращается къ нимъ. «Ни одинъ еще моралистъ, справедливо говорить

1) См. Бесѣда о милостынѣ въ III т. „Полнаго собранія твореній св. И. Златоуста“ въ русскомъ переводе.

такой тонкій критикъ, какъ Вильмэнъ, ни одинъ еще ораторъ новѣйшей каѳедры никогда не достигалъ такой изумительной живости и неистощимаго обилія (образовъ и мыслей), какими отличается Златоустъ въ этомъ отношеніи. Никто еще не имѣлъ лучше возбуждать въ человѣкѣ сочувствіе къ бѣдственности человѣка, или трогать сердце для возбужденія его къ благотворительности и добродѣтели»¹⁾). Но у него это не было просто чувствомъ естественной благостности, болѣе или менѣе благоразумнымъ порывомъ доброты, стремящейся возбудить подобное же чувство въ душѣ богача. Нѣть, великий святитель могуче дѣйствуетъ и на умъ, стремясь развить или утвердить то убѣжденіе, что человѣколюбіе есть основной долгъ всякаго христіанина, необходимое условіе его спасенія, такъ что благотвореніе его требуется отъ него столько же для его собственного блага, какъ и для блага бѣдныхъ, и пренебрегать этою святыною обязанностью было бы тоже самое, какъ нечестиво ожесточаться по отношенію къ самому Иисусу Христу, лишать себя неизреченыхъ благъ искущенія.

Было бы почти невозможно передать всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ великий святитель развиваетъ свои мысли о благотвореніи бѣдныхъ и о милостынѣ. Это значило бы воспроизвести добрую четверть всѣхъ его твореній. Поэтому мы ограничимся лишь самыми выдающимися мѣстами²⁾.

Сначала онъ восхваляетъ милостыню и разъясняетъ ея значеніе и превосходство среди другихъ добродѣтелей. И любимый предметъ вызываетъ въ его душѣ цѣлый рой образовъ и мыслей, такъ что святитель является не только проповѣдникомъ, но и вдохновеннымъ поэтомъ. «Милостыня, говорить онъ, дѣлаетъ людей подобными Богу. Ничто не можетъ сравняться съ ея мощью. Это величайшая изъ добродѣтелей. Тѣмъ, кто любить ее, она даетъ самое близкое мѣсто рядомъ съ царемъ, и конечно справедливо, потому что дѣяство, посты, покаяніе служатъ только тѣмъ, кто соблюдаетъ ихъ, а милостыня распространяется на всѣхъ членовъ Иисуса Христа... Она мать человѣколюбія, — той любви, которая есть наилучшее украшеніе христіанъ, знакъ, по которому познаются истинные ученики Евангелія; она есть великое исцѣленіе нашихъ грѣховъ, лѣстница, поставленная между небомъ и зем-

1) *Villemain, Tableau de l'eloquence chretienne, Chrysostome.*

2) Подборъ ихъ см. въ *Oeuvres Complètes*, t. I., p. 203 и сл.

лей, связь, которая сдерживаетъ вмѣстѣ различныя части тѣла Господня»¹). «Великое и многоцѣнное дѣло, когда человѣкъ совершааетъ милостыню. Этотъ даръ милостыни заслужить болѣе, чѣмъ даръ воскрешать мертвыхъ. Напитать Иисуса Христа, когда Онъ алчеть, не значить ли это болѣе, чѣмъ извлечь человѣка изъ гроба во имя Иисуса Христа? Въ первомъ случаѣ ты даешь Богу, во второмъ — принимаешь отъ Него. А награда обѣщана не тѣмъ, кто принимаетъ, а тѣмъ, которые даютъ»²). — «Давай бѣднымъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, и этимъ твой Судья будетъ умилостивлещъ. Покаяніе безъ милостыни мертво, или по крайней мѣрѣ оно не имѣть крылья, не можетъ летать по высотѣ». «Творить милостыню, это — дѣлать лучшій изъ торговыхъ оборотовъ: тутъ покупаютъ дешево, чтобы продать дорого; ибо что можетъ быть дешевле куска хлѣба или какихъ-нибудь заурядныхъ одеждъ? Между тѣмъ, подавая ихъ ближнему своему, ты продаешь ихъ Богу. Тотъ, кто даетъ взаймы, желаетъ имѣть залогъ, обезпеченіе. Но гдѣ залогъ у бѣдного? У него нѣтъ ничего. Гдѣ у него обезпеченіе? — Онъ нагъ и не имѣть довѣрія. Но сemu Богъ, видя бѣдного въ опасности по причинѣ его нищенства и богача — по причинѣ его жестокосердія, становится между ними: бѣдному Онъ предлагастъ Себя въ качествѣ обезпеченія, богатому въ качествѣ залога. Ты не хочешь одолжить этому человѣку, говорить Онъ, по причинѣ его бѣдности; въ такомъ случаѣ одолжи мнѣ, по причинѣ Моего богатства. — Будь, говорить, благонадеженъ: Мнѣ взаймы даешь. Какую пользу получаешь ты, когда даешь взаймы другимъ? Не на сто ли получаетъ одинъ, если ищешь законной лихвы³); а если обогащаешься своею алчностью, то соберешь двойной и горькій несправедливый плодъ. Но Я награждаю большимъ твою страсть къ обогащенію. Ты ищешь въ сто разъ менѣе, а Я даю тебѣ въ сто разъ больше. Но такъ какъ честный должникъ обыкновенно опредѣляетъ срокъ и назначаетъ день уплаты, то послушай, когда и гдѣ воздастъ тебѣ долгъ. Тотъ, кто взялъ у тебя взаймы чрезъ нищаго. Когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолъ славы Своей, и поставитъ овцы одесную Себѣ, а козлыца

¹⁾ На послан. къ Титу, Бес. VI.

²⁾ На 2 Кор., Бес. XVI.

³⁾ На сто драхмъ одна драхма въ мѣсяцѣ было узаконеннымъ процентомъ въ древности, т. е. 12% годовыхъ.

ошуюю, и речеть сущимъ одесную Его (здесь обрати внимание, какъ честно должникъ поступаетъ по отношенію къ заимодавцу, съ какою великою благодарностью выдаетъ взаимный взаймы): *приидите благословенни Отца Моею, пасль-дуйте уготованное вамъ царствie отъ сложенія міра?* За что? За то, что *взлкахся, и дѣлесте Ми ясти; воз-жадахся, и напоисте Мя; наѧ былъ и одѣясте Мя.* И вотъ что, замѣтъ, удивительно: ни о какой другой добродѣтели не уломинаетъ Онъ, кромѣ дѣлъ милостыни. Хотя и могъ бы сказать: приидите благословенни, потому что вы цѣломудренно жили, потому что сохранили дѣвство, избрали евангельское житіе, но умалчиваетъ объ этомъ, не потому, чтобы недостойно было упоминанія, а потому, что эти добродѣтели ниже милосердія. — Итакъ, дадимъ Богу взаймы милосердіе. Дадимъ взаймы, чтобы, какъ я сказалъ раньше, сбрѣсти Его должникомъ, а не судіей, потому что должникъ стыдится заимодавца, стыдится и оказываетъ ему почтение¹⁾). «Есть у тебя оболь? ²⁾ Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человѣколюбивъ. Нѣть у тебя и обола? Подай чашу холодной воды. Дай хлѣбъ—и возьми рай; дай малое—и возьми великое; дай смертное—и возьми бессмертное; дай тленное—и возьми нетленное. Если бъ была ярмарка и на ней продавались дешево и въ большомъ количествѣ счастные припасы, и многое можно бы пріобрѣсть за малую цѣну, не распродали бы вы имущество и, оставивъ все въ сторонѣ, не приняли ли бы участіе въ этомъ торгу? — Дай бѣдному, и пусть самъ ты будешь молчать, тысячи усть заговорять въ защиту тебя, потому что милостыня возстанетъ въ защиту тебя; милостыня есть выкупъ души³⁾). «Милостыня есть прекраснѣйшее и почтеннѣйшее изъ занятій; безъ усилія и однимъ простымъ дѣйствіемъ она устроить намъ на небѣ, если мы хотимъ этого, жилище свѣтлое и постоянное⁴⁾). Она есть жертва чистая и одна изъ совершенѣйшихъ, какую человѣкъ можетъ принести Богу: бѣдникъ есть жертвеникъ, богачъ есть первосвященникъ⁵⁾.

¹⁾ См. Бесѣды о Покаяніи, Бес. VII, 7, въ „Полномъ собраниіи Творений св. І. Златоуста“ т. II, стр. 372 и сл. .

²⁾ Самая мелкая монета, гротѣ.

³⁾ О Покаяніи т. II, 2, стр. 324, 325.

⁴⁾ На еванг. Матея Бес. III, 4 и сл.

⁵⁾ На 2 Кор. Бес. XX.

Творить милостыню лучше, чѣмъ быть царемъ и носить дадиму¹); надежнѣе самой преданной дружбы; тому, кто творить ее, милостыня доставляетъ пріятную и святую радость. Сила ея такова: когда даже дѣло идетъ о грѣшникахъ, то она разрываетъ ихъ узы, изгоняетъ отъ нихъ тьму, погашаетъ огонь подъ ихъ ногами, убиваетъ червя, который долженъ бы съѣдать ихъ; двери неба открываются передъ нею. Когда царица входитъ въ свой дворецъ, никакая стража не спрашиваетъ у нея, кто она или откуда приходитъ, но всѣ человѣками склоняются при ея прохожденіи; такъ и милостыня, ибо она поистинѣ есть царица, дѣлая человѣка подобнымъ Богу. Подобно златистой голубкѣ, съ пріятными, умильными глазами, она постоянно обращена взорами кверху. Она есть дѣва златокрылая, постоянно стоящая у престола Божія, и когда насть будуть судить, она внезапно прилетаетъ и избавляетъ насть отъ наказанія, прикрывая насть своими крыльями. Ничто еще такъ не отличаетъ христіанина, какъ милостыня. И невѣрующіе еще ничему такъ не удивляются въ насть, какъ тому, что мы творимъ милостыню»²).

Воспѣвъ эту высокопоэтическій, поистинѣ восторженный гимнъ «царицѣ добродѣтелей», Златоустый учитель затѣмъ переходитъ къ дальнѣйшему разъясненію ея значенія и величія³).

А. Лопухинъ.

¹⁾ На Мате. LII, 4.

²⁾ На посл. къ Евреямъ, XXXII, 7.

³⁾ Окончаніе будетъ.



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки